

V. Tauli. Standard Estonian grammar. Pt. I. — Phonology, morphology, word-formation. — Uppsala, 1973. 237 стр. («Acta Universitatis Upsaliensis», 8. — Studia Uralica et Altaica Upsaliensia)

В. Таули известен своими исследованиями по финно-угорским языкам и проблемам общего языкознания (тенденции языкового развития и его прогнозирование, языковые контакты); значительная часть его работ посвящена эстонскому языку.

Рецензируемая книга, несмотря на свою компактность, представляет собой одно из наиболее полных¹ описаний фонологического и морфологического уровней эстонского литературного языка. В то же время в ней отсутствует обсуждение проблемных аспектов эстонской грамматики и истории ее изучения: книга В. Таули не содержит новых данных или авторского осмысления известных фактов, но представляет собой новую манеру их изложения. В этом отношении ее можно сравнить с дескриптивным исследованием Р. Хармза². Однако в отличие от последнего, построенного на материале идиолекта, книга В. Таули базируется на нормативном (ортологическом) словаре³ и по объему сообщаемых о языке сведений приближается к типу грамматического справочника⁴. Но если в справочнике взаимосвязи единиц и взаимоотношения уровней языка эксплицитно не выступают в качестве организующего принципа подачи материала, то в рецензируемой работе имеется единая методическая основа. Сам автор называет применяемый принцип описания порождающим. При этом термин «порождение» используется им не в терминологическом смысле, а скорее как метафора: это порождение ориентировано не на объект, а на пользующегося эстонским языком или изучающего этот язык и реализуется в

рамках традиционной для эстонской грамматики терминологии.

Несколько утрируя картину, это «порождение» можно, очевидно, представить себе следующим образом: лингвист, являющийся носителем эстонского языка, читает подряд ортологический словарь и по поводу каждого слова строит некоторые суждения фонологического и морфологического характера. Затем построенные им суждения систематизируются от звука к морфеме и сочетанию морфем. Следует отметить, что такая подача материала и от читателя требует организации его восприятия как «порождения».

Применение указанного принципа позволяет достичь максимальной компрессии описания при достаточной его полноте. Систематизация, или структурирование, самого описания осуществляется с помощью нумерации актов порождения (примеры см. на стр. 151), которая затем повторяется в словаре (индексе слов), приложенном к книге. При этом сам индекс слов можно рассматривать как побочный продукт предпринятого описания, поскольку в нем оказывается зафиксированной классификация лексем по типам чередования основ, типам словоизменения (склонения и спряжения) и словообразования. Таким образом, работа может быть прочитана от грамматики (от акта порождения) к слову и, наоборот, от слова — к акту порождения.

Книга, в соответствии с подзаголовком, состоит из трех разделов — «Фонология», «Морфология», «Словообразование», «Приложения» (стр. 199—200), краткой «Библиографии» (стр. 201—202) и «Индекса слов» (стр. 203—237).

Раздел I «Фонология» (стр. 13—33) содержит краткое описание звуков эстонского языка и его фонологической системы в целом. Значительное внимание уделено слогу как произносительной единице, которая характеризуется ударением (главным или второстепенным). В анализе эстонского ударения автор выделяет «легкие» и «тяжелые» слоги, которые противопоставляются друг другу чаще всего в одинаковых по составу формах генитива и партитива. Эти слоги могут иметь различную структуру (VCC , VC_1C_2 , $VHSS$ и др.⁵).

⁵ Условные обозначения: C_1 , C_2 — квантитативное различие согласных, H — звонкая согласная, S — (p, t, k, s).

¹ В отношении полноты охвата эстонского материала она может быть поставлена в один ряд с университетским изданием «Eesti keele grammatika», Tartu, I, 1—2 — 1963—1964; II — 1965; III — 1967 (потапрнт).

² R. T. Harms, *Estonian grammar*, Bloomington — The Hague, 1962.

³ E. Muuk, *Väike õigekeelsus-sõnaraamat*, Stockholm, 1947; E. Nurm, E. Raiet, M. Kindlam, *Õigekeelsuse sõnaraamat*, Tallinn, 1960.

⁴ Ср., например: J. Valgma, N. Remmel, *Eesti keele grammatika*, Tallinn, 1970; O. Lavotha, *Kurzgefasste estnische Grammatik*, Wiesbaden, 1973.

«Легкий» слог

VCC G. *kapi* /*kappi*/ «чашки» (род. п.)VC₁C₂ G. *virna* «кучи, кипы» (род. п.)VHSS G. *tanki* /*tankki*/ «танка»

«Тяжелый» слог

P. *kappi* /*kappi*/ (стр. 18)P. *'virna*P. *'tanki* /*'tannki*/

Не меньшее внимание автор уделяет палатализации, описание которой дано в терминах дистрибуции звуков, причем выделяется палатализация на антропофонической основе («automatic», например: *pal'ju* «много», *võti* «ключ», *kai'nike* «фиалка») и фонологически релевантная (например, *ko'i't* «мешок», *pal'm* «пальма», *veški* «мельница»).

Фонологическая часть книги заканчивается подробной классификацией типов ударения в интернационализмах.

Центральное место в книге и по объему, и по существу занимает раздел II «Морфология» (стр. 34—115), целиком посвященный словоизменению. Здесь завершается построение метаязыка «порождающего описания» (§ 33—42) и полностью раскрываются возможности иерархического построения описания на основе принятого принципа.

В качестве ключевых понятий морфологического анализа принимаются лексическое значение и основа (*stem*) как его носитель; грамматическое (или структурное) значение и граммема [т. е. либо суффикс, либо изменение основы (*mägi* ~ *mäe*), либо нулевая граммема]; базовая форма — the base form (*mä-*), которая может быть исходным пунктом или результатом порождения (*mä-*), и основная форма, которая не может быть порождена другой формой — the basic form (стр. 34—36). Сильная и слабая ступени огласовки корня (стр. 36—39) различаются на двух уровнях — фонематическом (*tõbi* — *tõve* «болезнь», *koda* — *koja* «сени») и просодическом, где сильной форме соответствует тяжелое ударение, а слабой — легкое (*kimp* — *kimbi* «узел», *'vakla* — *vagla* «червяк»).

Так, склонение имен (существительных и прилагательных) с помощью принятого метаязыка может быть задано комплексом формул:

Род. п. ед. ч.: (базовая форма — номинатив; суффикса нет); = Q граммема (Gen. — Nom.) — имена, оканчивающиеся на два одинаковых гласных или дифтонг (-VV или -D): *maa* «земля», *tee* «дорога», *puu* «дерево», *pea* «голова» (стр. 41).

-VC → -Ca: *ader* — *adra* «плут», *'andev* — *'andva* «подача», *vapper* — *'varpa* «храбрый» (стр. 45).

После обобщения типов склонения имен (стр. 71—78) предлагается система правил для определения типа склонения по ряду формальных признаков склоняемого слова (стр. 78—79). Далее характе-

ризуются степени сравнения прилагательных, склонение числительных и местоимений.

Описание глагольного словоизменения (стр. 90—113) осуществляется в терминах обычных для эстонской грамматики категорий и субкатегорий: лицо, время, наклонение, залог и т. п. с использованием таких элементов принятого в работе метаязыка как базовая форма (например, инфинитив на -*ma*), основа (например, основа имперфекта) и др. Акты порождения записываются так же, как в разделе, посвященном имени. Для образования причастия на -*v*: базовая форма (инфинитив на -*ma*) + суффикс (-*e* + *v*): *'kuulma* «слышать» — *'kuulev*, *'maksma* «платить» — *'maksev*.

В основе структуры раздела III «Словообразование» (стр. 116—198) лежит описание классов слов, которые порождаются деривационными суффиксами имен существительных (например, «глагольная основа + -*ja*»: *paluja* «проситель», *'laulja* «певец», *'mõõtja* «мерильщик»), прилагательных («именная основа + -*kas*»: *edukas* «успешный», *kulukas* «дорогой», *tõdkas* «прилежный»), глаголов («глагольная основа + -*le*» → *'kauplema* «торговать», *kõnelema* «говорить», *arutlema* «соображать»), наречий («именная или глагольная основа + -*kil*, *kile*»: *ninakil* «дерзко», *pilukil* «получително», *avakil* «открыто»). Завершается раздел рассмотрением способов словосложения (стр. 174—192) и особенностей правописания сложных слов (стр. 193—198).

Если во II разделе, касающемся словоизменения, достигается максимальная полнота описания, и случаи, не подпадающие под то или иное общее правило, фиксируются в многочисленных исключениях, то «словообразовательное порождение» охватывает лишь те деривационные суффиксы, которые образуют значительные по объему группы производных слов.

В целом рецензируемая книга будет служить хорошим справочным пособием для тех, кто хочет систематизировать свои знания в эстонском языке. Кроме того, опыт такого описания, безусловно, конструктивен для общего языкознания, поскольку демонстрирует возможности одного из методов исследования языка — принципа «порождения», использованного в качестве приема описания.

Ю. Н. Караулов